

Свет от подвесных фонарей на галерее падал сквозь распахнутое решетчатое окно прямо на лицо Цинь Чжэна. Прямая линия носа делила его лицо пополам: одна сторона купалась в ярком свете, другая оставалась в глубокой тени.

Кончики его длинных бровей тонули в растрепавшихся на висках волосах. Слегка опущенные веки делали разрез глаз еще уже, лишая их привычного мягкого прищура и превращая в хищный, холодный взгляд феникса. Окутанная мраком половина его лица казалась острой, резкой, а едва заметная, блуждающая на губах усмешка не сулила ничего хорошего.

— Как думаешь, — негромко заговорил он, — кому в самый канун Нового года не сидится дома в кругу семьи, раз этот человек так пристально следит за каждым моим шагом? А ведь я фигура малозначительная.

Сяо И мягко рассмеялся, отчего весь его облик показался еще более открытым и благожелательным.

— Разве господина можно назвать малозначительным?

Цинь Чжэн вскинул взгляд, скользнул по нему холодным прищуром и неопределенно усмехнулся:

— Мой дед, слава богу, еще жив. Так с чего мне быть важной птицей?

Слова эти Цинь Чжэн мог бросить с легкостью, но Сяо И благоразумно промолчал. В комнате воцарилась тишина — впрочем, не безмолвная.

За окном гремела торжественная музыка.

На сцене внизу Цзиньли плавно обернулась. Она приподняла подбородок, изящно прижала пальцы к груди и, изогнувшись всем телом, изобразила притворную девичью обиду. Сделав несколько быстрых шагов назад, она дала старт великолепному танцу.

Рокот пипы становился все стремительнее. Движения Цзиньли завораживали: порывистые, но плавные, упругие и одновременно невероятно легкие. Со стороны ее танец казался неторопливым, не утомляющим взор пестротой, но стоило попробовать уследить за ее шагами, как становилось ясно: за одно лишь мгновение она успевала сменить позу несколько раз, не оставляя зрителю возможности ухватить ускользающий образ.

Тонкий, едва различимый в грохоте инструментов звон не потревожил ни ушедшую в танец красавицу, ни увлеченную толпу внизу. Обычная случайность: во время стремительного вращения с ее прически сорвалась золоченая шпилька-буяо. Она беззвучно упала на

деревянный настил и по инерции отлетела далеко в сторону.

В комнате за решетчатым окном Цинь Чжэн вальяжно откинулся на спинку кресла. Грея ладони о теплую чашку чая, он лениво проследил взглядом за улетевшим украшением, а затем, словно ничего не произошло, небрежно спросил стоящего позади Сяо И:

— Поспорим?

Сяо И удивленно приподнял бровь:

— На что же?

Цинь Чжэн негромко усмехнулся:

— Бьюсь об заклад, красавица на сцене родом из столицы.

Сяо И бросил взгляд в окно. Сначала ему в глаза бросился силуэт Сы Вэя, который стоял на галерее и наводил на сцену круглое серебряное зеркало, и лишь затем он посмотрел на танцующую Цзиньли.

Присмотревшись к движениям девушки, Сяо И покачал головой:

— А я ставлю на то, что нет.

Цинь Чжэн с любопытством повернул к нему голову:

— С чего такая уверенность?

— С тех пор как вы решили отправиться на юг, мы мчались сюда на лучших скакунах, почти без передышки, — рассудительно ответил Сяо И. — Дорога от столицы заняла бы не меньше десяти дней. Езжай она верхом, откуда бы у нее взялись силы для такого сложного танца сразу по прибытии? А если бы она тряслась в повозке... от такой дорожной качки даже у крепкой, искушенной в боевых искусствах девицы голова пошла бы кругом.

Цинь Чжэн неопределенно хмыкнул:

— И какова же ставка?

Сяо И ненадолго задумался:

— Кувшин доброго вина?

— Мы находимся в таком изысканном месте, полном утонченных услад и неги, а у тебя на уме одно лишь пойло? — беззлобно отозвался Цинь Чжэн.

Сяо И неподдельно изумился:

— Неужели господин решил остепениться?

Цинь Чжэн пропустил его шпильку мимо ушей. Он медленно вращал чашку в пальцах, о чем-то глубоко задумавшись. Наконец его пальцы замерли. Чай в чашке пошел кругами, но ни одна капля не пролилась на стол.

— Поставим на кон эту девицу со сцены. Если выиграю я — ты оплатишь ее выкуп, и заберешь красавицу себе. Если выиграешь ты... плачу я, а ты просто найдешь людей и отправишь ее в Поместье принца. Обо всем остальном я позабочусь сам.

Цинь Чжэн откинулся на спинку и полуобернулся к Сяо И:

— По рукам?

Сяо И на мгновение задумался. Ему слабо верилось, что Цинь Чжэн вдруг воспылал страстью к случайной танцовщице в столь неподходящий момент. Поразмыслив, он спросил с легким сомнением:

— У господина... есть какие-то планы? Касательно юга?

Цинь Чжэн усмехнулся и небрежно поставил чашку на столик для цветов. Оперевшись запястьем о край стола, он лениво уставился на кружащуюся внизу танцовщицу.

— У меня полно кузенов, да и отец мой, слава небу, еще в полном здравии. Пытаться сделать ставку на меня сейчас — глупость несусветная, я даже в очередь престолонаследия толком не вписываюсь. Случись что, и остаться у разбитого корыта — это еще легкий испуг. Хуже, если придется расплатиться собственной головой.

Он криво усмехнулся:

— В подобных играх банк всегда забирает все, беспроигрышных ставок не бывает. Один неверный шаг — и прахом пойдут труды трех поколений нашей семьи. Кто в здравом уме станет подбрасывать дрова в мой очаг, если только его самого не прижали к стене? Эта сегодняшняя записка... Ее прислали не потому, что кто-то в столице бдит за мной и решил подмазаться в удобный момент. Скорее уж... этот человек нацелился на южные земли.

После этих слов в комнате мгновенно воцарилась тяжелая, гнетущая тишина.

Лишь Цинь Чжэн как ни в чем не бывало продолжил праздным тоном:

— Враг моего врага — не обязательно друг, но зачем отказываться от того, что само идет в руки?

Оба они с малых лет вращались в высших кругах столицы, а потому Сяо И с полуслова понял, к чему клонит его господин.

Тем не менее, Сяо И озабоченно нахмурился:

— Благоразумный муж не станет стоять под ветхой стеной. Если в столице уже пошли слухи, то и на юге наверняка обо всем проведали. Если вы продолжите двигаться по этому пути, боюсь...

Он не договорил, но Цинь Чжэн лишь тихо рассмеялся, лениво постукивая пальцем по столу:

— Боишься, что я не вернусь назад?

Цинь Чжэн равнодушно бросил:

— До этого не дойдет.

Сяо И негромко кашлянул, напоминая:

— Господин... розги в храме предков моей семьи висят не для красоты. Получить один раз — хороший урок, два — досадная случайность. Но если в третий...

— До третьего раза мы еще не докатились, — отмахнулся Цинь Чжэн.

Впрочем, продолжать этот разговор ему явно наскучило. Он не глядя швырнул чашку прямо в руки Сяо И и досадливо махнул рукой:

— Ладно тебе, все я понял. Сваливать на тебя вину никто не собирается.

Кое-как поймав чашку и облившись чаем, Сяо И со вздохом утер мокрые пальцы:

— Рад слышать, господин. Так что мы решим? Возвращаемся обратно или остаемся?

Цинь Чжэн фыркнул:

— Какое еще «обратно»? Сюаньсяо! Ступай разузнай, сколько просят за девицу на сцене. И заодно спроси, откуда она родом и не из столицы ли часом.

Стоявший у двери телохранитель молча поклонился и торопливо вышел из комнаты, бесшумно притворив за собой дверь.

Цинь Чжэн сполз пониже в кресле, позволяя тяжелому зимнему плащу соскользнуть на пол.

— Если она не из столицы, считай, я просто принял любезность хозяина Башни Весенней реки и дал ему шанс услужить мне. В Поместье принца одной наложницей больше, одной меньше — не велика потеря. Но если она действительно столичная... тебе придется выкупить ее. Она пригодится, когда мы двинемся на юг. Те, кому удастся выбраться живыми из Приказа придворной музыки, обычно сохраняют кое-какие связи при дворе или в провинциях. Даже если у нее ничего нет, само ее присутствие заставит здешних покровителей из кожи вон вылезти, лишь бы выудить для нас грязные секреты их соперников.

Сяо И надолго замолчал, сопоставляя факты. Наконец он крайне изумился:

— Вы хотите сказать, она может быть дочерью или служанкой кого-то из опальных чиновников, осужденных в двадцать первый год Цзиншэн?

Цинь Чжэн хмыкнул:

— А иначе как, по-твоему, в захолустном уезде Цзю могла объявиться танцовщица, способная поспорить мастерством с самой Чжэн Тринадцатой наложницей из Приказа придворной музыки? Все, чему ее учили, оставляет неизгладимый след... В ее движениях слишком отчетливо видна школа Чжэн Тринадцатой наложницы. Вероятно, в столице она была ее любимой ученицей. Не каждому дано перенять это редкое умение пробуждать в зрителях глубокие чувства через танец, сливая воедино музыку, пластику и душу.

Сяо И озадаченно нахмурился, пытаясь вспомнить:

— Чжэн Тринадцатая наложница?.. Кто это?

— В начале прошлого года, когда меня под конвоем уехали в Приказ придворной музыки на целых три месяца, она была там наставницей, — пояснил Цинь Чжэн. — А если отмотать лет тридцать назад, она гремела как первая красавица и глава всех двадцати четырех павильонов Приказа придворной музыки в столице.

Сяо И усмехнулся:

— Тридцать лет назад... Меня тогда еще и на свете не было, господин. Ну и вкусы у вас...

Цинь Чжэн проигнорировал шутливую колкость. Он внезапно замолчал, посерьезнев.

Внизу плыли нежные звуки флейт и лютен, за окном переливались огни праздничных фонарей, а на сцене кружилась прекрасная Цзиньли, но мысли Цинь Чжэна были далеко отсюда.

— После праздников наступит сорок четвертый год Цзиншэн, верно? — негромко спросил он.

— Да, — тихо отозвался Сяо И. — Сорок четвертый год.

Перед глазами Цинь Чжэна один за другим вставали пожелтевшие листы старых судебных архивов.

— Великое дело о государственной измене двадцать первого года Цзиншэн... Даже просто читая те сухие отчеты, я словно чувствовал, как с бумаги сочится кровь. Прошло чуть больше двадцати лет, и у кого-то снова хватило наглости разыграть ту же карту?

Сяо И молчал. Лишь спустя долгое время он тихо произнес:

— С двадцать первого года Цзиншэн минуло уже двадцать два года, а после праздников пойдет двадцать третий. За это время и в столице, и в провинциях сменилось по меньшей мере три поколения чиновников. Старые шрамы затянулись, а новые люди забыли страх.

— Вот именно. Этот срок больше, чем прожил я сам, — Цинь Чжэн помрачнел. — Если кошмар тех лет повторится... как думаешь, выдержит ли здоровье деда такой удар?

Сяо И не нашелся с ответом.

Вскоре послышался негромкий стук в дверь. Вернувшийся слуга почтительно доложил:

— Господин, мне удалось все разузнать. На Банкете в канун Нового года в Башне Весенней реки особый порядок выкупа. Чтобы забрать девушку, нужно получить ее личный жетон у здешнего служителя борделя, вложить его в конверт вместе со своим предложением и передать хозяйке заведения для тайного торга. Красавица достанется тому, кто назовет самую высокую цену. Хозяйка намекнула, что торги начнутся как минимум с восьмисот ланей серебра. Но если у господина не хватает наличных средств, она готова пойти на уступки и подыскать другие варианты...

Восьмисот ланей для Цинь Чжэна не были крупной суммой, но для глухого уезда Цзю цена казалась баснословной. Выложить такие деньги за раз могли разве что отпрыски столичной знати или богатейшие купцы края.

Немного подумав, Цинь Чжэн поднял взгляд на Сюаньсяо:

— Удалось ли подтвердить ее происхождение? Она действительно из столицы?

Сюаньсяо почтительно склонил голову:

— Все в точности, как вы и предполагали, господин!

Стоявший позади Сяо И притворно возмутился:

— Да вы просто обобрали меня до нитки, господин! Вы ведь с самого начала знали, что она училась у этой вашей Чжэн Тринадцатой наложницы!

Цинь Чжэн весело рассмеялся и лукаво подмигнул другу:

— Ну разумеется. Не зря же я три месяца просидел в Приказе придворной музыки! А насчет тридцати лет назад... Тебя тогда не было на свете, но ведь и я еще под стол пешком не ходил. Как видишь, за все удовольствия в этой жизни приходится платить. Наследник Сяо, доставай кошелек.

<http://bllate.org/book/18280/1760692>